

Оглавление

Вместо предисловия: от рецензента	4
Введение	9
Благодарности и исследовательские сюжеты, не вошедшие в книгу	21
ГЛАВА 1	
Интернет-исследования как основа для изучения интернета в городах России <i>Полина Колозариди, Дмитрий Муравьев, Леонид Юлдашев</i>	26
ГЛАВА 2	
Как спроектировать полевое исследование по изучению интернета в российских регионах <i>Ольга Довбыш, Полина Колозариди, Леонид Юлдашев</i>	45
ГЛАВА 3	
История интернета как инфраструктуры <i>Леонид Юлдашев</i>	72
ГЛАВА 4	
«Не было места, чтобы читать о городе»: трансформация локальных медиа и локальности в цифровой среде <i>Ольга Довбыш</i>	105
ГЛАВА 5	
Цифровая история российских регионов исчезает <i>Аня Щетвина</i>	142
ГЛАВА 6	
Управление интернетом в городах России <i>Полина Колозариди, Александра Кейдия, Дмитрий Муравьев</i>	162
Заключение	190
Об авторах	197

Вместо предисловия: от рецензента

Перед вами книга российских исследователей об интернете — и о самих себе. У вас в руках книга-изнанка, которая погрузит доброжелательного читателя в мир интернет-исследований — а точнее, в методы работы и результаты дискуссий группы исследователей, объединяющей московский клуб любителей интернета и общества¹ и Высшую школу экономики. Эта группа во многом заложила в российские интернет-исследования особый взгляд на интернет как предмет «веселой науки» (в лихачевском смысле) — науки без ригидных границ, науки как пространства постоянного, незастывающего, даже нарочитого переосмысления. И сама эта группа подвержена тем же законам: дискуссия, изложенная на страницах книги, не ограничивается умами авторов, поскольку текст — результат не только внутренних обсуждений, но и многих встреч с коллегами, экспедиций в расширенном составе, конференций в ВШЭ, клубе и за их пределами, полемических постов в «Фейсбуке»^{*2} и «Телеграме», выбранных мест переписки с друзьями и ночных бдений над собранными данными.

Особенность книги — облегченный язык и повествование «от первого исследовательского лица», иногда субъективное — и тем самым декларирующее отказ от неременной объективности,

¹ клуб здесь и далее пишется со строчной буквы, это не опечатка, а намеренный вариант написания, символизирующий горизонтальную и не иерархичную структуру клуба.

² Здесь и далее в книге сеть «Фейсбук» маркирована звездочкой. Деятельность социальной сети признана экстремистской и запрещена на территории РФ, данные используются в исследовательских целях и не направлены на одобрение экстремистской деятельности.

которая не всегда недостижима и порой является конструктом на основе отживших научных конвенций. Скорее, авторы стремятся указать на то, что позиция исследователя — неотъемлемая часть исследования, отрефлексированная и оттого настолько же ценная, насколько и представляемый результат. Парадигмальный характер постоянной рефлексии об исследовательской линзе резко выделяет эту книгу — и даже противопоставляет скучному ряду высоколбых штудий, притворяющихся объективными.

Другая важная черта книги — погруженность в теоретический и методологический контекст самых современных исследований интернета, медиа, современной социальности. Нужно отдать должное авторам: это едва ли не первое издание на русском языке в области интернет-исследований, в котором равновелики теория (точнее, многоликие концептуализации интернет-реалий) и методология, понятие дискурсивно, переплетенные и постоянно адаптируемые под задачи исследований российского интернета.

Еще одно важное достоинство книги кажется мне одновременно ее недостатком. Как ни странно, большинство интернет-исследований сегодня, на мой взгляд, имеют своим объектом совсем не интернет, а явления, происходящие в нем как в особом пространстве, как в заданном условии, если хотите. Авторы настаивают, что интернет-исследования — это изучение интернета во всем его многообразии, в том числе многообразии человеческих практик в нем, и это задает объект исследования, которому верны они сами. Следует сказать спасибо авторам за то, что они так настойчиво придерживаются этой линии в первых главах. Но мне как исследователю медиа, социологу, политологу, коммуникативисту в этой книге не хватило видения интернета как контекста — не только рамки, места, пространства для развития объектов и явлений, изучающихся в других науках, но и точки пересечения офлайновой истории, политики, психологии с индивидуальными траекториями, чертами, интересами и эмоциями людей, а также платформенными характеристиками (platform affordances), и при этом пересечения такого, которое задает условия для развития феноменов, подобных оффлайновым. Интернет как объект изучения, поставленный во главу угла в этой книге, кажется мне

важным фокусом интернет-исследований — но они сами намного, намного больше, чем изучение самого интернета. И этим интернет-исследования отличаются даже от «постдисциплинарных» областей вроде *gender studies* или *urban studies*, где пол или город — объект исследования, а методы могут быть разными. В случае интернет-исследований все еще сложнее: интернет как объект исследования в связке с окружающей реальностью — только часть интернет-исследований, и не самая большая.

Почему так? Потому что социология интернета не равна интернет-социологии. Социология пользователей устроена иначе, чем классическая социология: она соглашается с наличием сильных искажений в выборках ради права пользоваться большими данными, т.е. использует не выборку из генеральной совокупности, а все, что есть (а есть неправильное, искаженное, недо- или перепредставленное, зато большое и поддающееся быстрому изучению). Это методологически и «выборково» другая область, и она ближе к интернет-исследованиям, чем к социологии, хотя вопросы ставит социологические по смыслу. То же — с политологией, коммуникативистикой, психологией и прочими логиями, которые фундаментально меняются, работая с данными из интернета и учитывая их онлайн-природу. И эту большую зону нельзя удалять из интернет-исследований — потому что ей больше некуда идти. Поэтому, например, видеть в изучении буллинга в сети только практику использования интернета — не совсем точно, поскольку объект исследования другой — не интернет, а буллинг, его природа и то, как она меняется в сети, в условном интернет-зазеркалье со своими законами распространения информации, общения, хранения высказываний и репрезентации себя. Интернет-исследования изучают нашу жизнь в другом мире и не ограничиваются его изучением. Иначе говоря — не является ли «изучение интернета» иллюзией, которая при приближении распадается на изучение поведения, инфраструктуры, технологий, психики, медиапотребления? Думаю, такая проблематизация не должна сбить авторов книги с их позиции, но и не должна оставаться необсужденной — что приведет, будем надеяться, к продолжению этой работы.

Главы книги в равной мере, но по-разному полезны. Глава 2 о методологии и опыте полевых исследований важна как описание примера успешного, хоть и небеспроблемного столкновения с полем, которое, с одной стороны, очень живо и динамично, а с другой — до некоторой степени уже не существует, фрагментарно и искаженно живет только в личной и публичной памяти. Здесь показано в том числе, как настороженно воспринимаются сегодня попытки изучить недавнее прошлое и настоящее глобальной сети в ее городском измерении. Глава 3 об истории (интер)нетов в мире и России (именно так!) заставляет задаться вопросом: «а зачем нам это знать?» — и в то же время внушает щемящее чувство возвращения в интернетную юность, когда интернет еще мог быть романтичным пристанищем энтузиазма, свободы, равенства и безопасности. Глава 4 о локальных и гиперлокальных медиа расширяет представление о медиапространствах российских регионов и суммирует то, что мы все знаем интуитивно: монополия на локальность давно потеряна традиционными СМИ, и сегодня городские аккаунты в соцсетях — это не только стихийно сложившиеся медиа, но и репрезентация городских сообществ как таковая. Медиа, которые стерли границу между аудиторией и редакцией, между обществом и его зеркалом, и то, какие функции сегодня они выполняют для людей, еще предстоит оценить и изучить. Глава 5 об истории веба — самая неожиданная, потому что в ее основании лежит мысль о хрупкости интернета, настоящая любовь к ежедневно исчезающей/сохраняющейся истории/реальности. Глава 6 об управлении интернетом дает обзор теорий и управленческих стратегий и показывает, что с ними случается на уровне региональной практики. Все вместе главы расширяют нашу оптику, привыкшую принимать интернет как набор известных и порой поднадоевших порталов, когда «велика сеть, а пойти некуда», как говорят в «Фейсбуке»*. Книга пересобирает интернет на уровне города, представляя его намного больше социокультурным и физически-пространственным, чем на уровне отдельного человека или всей сети, каким он воспринимается ежедневно.

Хотя авторы явно стремились сделать книгу доступной для неподготовленного читателя, изредка они все же используют понятия

и аналогии, хорошо известные гуманитарным исследователям, но не широкой публике. Впрочем, «Гугл» нам в помощь — сегодня там, как и в его конкуренте «Яндексе», найдется все, было бы желание.

Я искренне рекомендую эту книгу к прочтению — еще и потому, что ее текст очень похож на увлеченную беседу, что в наше время стало отдельной ценностью. И вооружитесь ручкой: желание почеркнуть на полях я вам гарантирую, потому что разговор, начавшийся в (со)обществе с размытыми границами, останавливаться не может — и не должен.

Светлана Бодрунова

Введение

Эта книга началась с исследования, а исследование — с интереса к разнообразию. Леонид Юлдашев интересовался городами и тем, как люди объединяются и делают что-то вместе. Полина Колозариди интересовалась интернетом: как люди его понимают и осваивают. Но интересоваться разнообразием и изучать его — это разные вещи.

Читатели этой книги тоже наверняка знают, что интернет — явление сложное, а города в России разные. И возможно, интересуются, чем отличается какой-то город от других: архитектурой, образом и темпом жизни. Познакомиться с этим разнообразием можно в интернете, заодно обнаруживая городские сайты и аккаунты в социальных сетях, читая посты жителей. При этом едва ли кому-то придет в голову, что интернет сам по себе в этих городах — особенный. Ведь интернет привычно считать чем-то глобальным. В России и мире много сервисов, которыми пользуется большинство: это крупные платформы и социальные медиа вроде «Фейсбука»*, «ВКонтакте» или «Яндекса», банковские приложения, чаты. Почему вообще что-то может отличаться по городам? И даже если так, зачем затевать исследование? Ведь можно просто интересоваться разнообразием.

Если бы соавторы этой книги не встретились и не превратили интерес в исследование, мы никогда бы этого не узнали. Но мы стали разбираться, как устроено разнообразие интернета в городах — вместе.

Оказалось, что понять интернет как явление можно, осознав его локальность, фрагментарность, связь с конкретными организациями, технологиями, практиками. Сама по себе декларация сложности или многообразия скорее отвлекает. А суть в том, что интернет не принесен Прометеем как дар технического прогресса, а был проведен в города, чтобы создавать образовательные про-

граммы, просвещать людей и развивать бизнес. Структура сетей была связана с этими смыслами. И с тем, какие отношения были и есть в управлении городом, у местных медиа и между людьми. Конечно, появление сетей влияло, в свою очередь, на эти отношения, и к моменту выхода книги эта история насчитывает десятилетия.

Но книга не только и не столько об истории. Ведь изменения продолжают — в связи с развитием цифровых технологий, новыми способами общаться и работать с информацией — и происходят не в абстрактном мире, а в реальности коммерческих организаций, повседневной рутины, локальных управленческих решений и непростых сделок. И заодно меняются сами эти решения, организации и рутина. Перемены происходят локально, порой суетливо и не так, как хотелось бы. В целом их масштаб огромен. Но все большие изменения происходят где-то на местах. Или не происходят. Часто они наследуют прежним способам устраивать жизнь или объясняются простыми жизненными обстоятельствами.

А как именно происходит наследование в случае с интернетом и что на что влияет? Тут уже простого любопытства недостаточно. Углубившись в вопрос о больших переменах и глобальном разнообразии в локальном интернете, не обойтись без исследований. Мы написали эту книгу, чтобы словосочетание «интернет в городе N» стало конкретным. В книге рассматриваются разные составляющие интернета и связанные с ними явления на материалах экспедиций в города России. Мы демонстрируем, как работают разные теории на близких друг к другу объектах, объединенных полевой работой.

Времена, когда об интернете можно было написать людям из разных исследовательских полей коллективно, если когда-то и были, то закончились. Эта книга написана исследователями и исследовательницами интернета, медиа, инфраструктур, политических процессов, культурологами. В многообразии текстов можно разглядеть множество исследовательских оптик и подходов к изучению интернета. Тексты образуют коллаж, а границы между разными главами отчасти стерты взаимными правками и двумя годами обсуждений. Мы надеемся, что общий опыт написания сообщает книге целостность. В течение двух лет работы над книгой мы последовательно читали, обсуждали и редактировали тексты друг

друга. Но во введении и заключении мы рассказываем об интернете каждый по-своему.

Это введение можно читать как манифест о том, как именно из разных взглядов возникает большое общее исследовательское дело. Наш подход — не сглаживать, а показывать и осмыслять разнообразие методов и теорий. Поэтому введение состоит из отдельных реплик — в них можно прочесть о тех, кто написал книгу, познакомиться с их ритмом и слогом.

Кто написал эту книгу?

Александра Кейдия:

Я социолог. В этой книге вы прочтете нашу совместную главу с Полиной Колозариди и Дмитрием Муравьевым про управление интернетом. Мой интерес к этому полю возник случайно, во время одной из экспедиций клуба любителей интернета и общества: я вместе с коллегами брала интервью у чиновников, в сферу деятельности которых входил интернет. Беседа получилась настолько насыщенной, а собеседники были такими рефлекслирующими, что во мне это посеяло интерес к исследованию всякого рода государственного участия.

Леонид Юлдашев:

Я один из координаторов клуба любителей интернета и общества, занимаюсь историей интернета как инфраструктуры. Это мой главный исследовательский интерес, и, несмотря на то, что я занимался еще несколькими темами (историей космического интернета, фигурой пользователя), я всегда возвращался к нему. Мне представляется, что исследования инфраструктуры помогают узнать, как именно и почему некоторое явление (интернет, спутниковая навигация, даже повседневное электричество) появилось и распространилось и почему оно именно такое, каким мы его знаем.

Ольга Довбыш:

Региональные, локальные, гиперлокальные и другие малые формы медиа (городские, медиа сообществ и т.д.) — мой давний и непро-

ходящий исследовательский интерес. Несмотря на отступления в другие темы, связанные с медиапроцессами, считаю наиболее ценной свою экспертизу именно в теме локальных медиа. Моя кандидатская диссертация в НИУ ВШЭ была посвящена контрактам на информационное обслуживание, которые региональные органы власти заключают с местными СМИ и которые работают как инструмент контроля над редакциями и локальной повесткой. С тех пор исследую разные формы локальных медиа и с интересом и воодушевлением наблюдаю за их развитием в российских регионах.

Дмитрий Муравьев:

По основному образованию я политолог, но ближе к концу обучения у меня открылся особый интерес к медиа, технологиям и интернету. Я до сих пор не могу себя дисциплинарно идентифицировать, но и отделяться словом «междисциплинарность» не хочется — в общем, все сложно. В книге я участвую в главах по теории и интернет-управлению в России. Когда я только узнал о существовании исследований в области управления и регулирования интернета, меня это очень захватило, и я стал читать статьи в журналах вроде *Internet Policy Review*, *Policy & Internet*. Захотелось понять что-то про Россию, а о ней написано мало, мы до сих пор не очень понимаем, как менялось регулирование интернета и управление интернетом в России, какие смыслы эти изменения несли для разных групп, какими дискурсами сопровождались, какие практики были значимы для осуществления этих трансформаций, — на многие вопросы просто нет ответа.

Аня Щетвина:

В 2017 г. я присоединилась к экспедициям клуба любителей интернета и общества и НИУ ВШЭ. Сначала как студентка и помощница в работе над существующими темами, а с третьей поездки клуба — в Казань — как участница со своей исследовательской повесткой. Мы много работали с веб-архивами, но делали это интуитивно и в основном используя их как источники для отдельных тем — истории локальных сетей, СМИ, отношений интернета и локальных чиновников. Постепенно стало понятно, что ранний веб сам

по себе может быть объектом интереса — как особый артефакт и предметная память о цифровой культуре 1990-х и 2000-х. Так я стала заниматься темой памяти о раннем интернете — как личной (в нарративах первых пользователей), так и институционализированной (в исследованиях, архивах, музеях).

Полина Колозариди:

Я интернет-исследователь в сложной ситуации. Я составляю этот коллаж введения (и заключения). Кроме того, как соучастница я оказалась в числе авторов трех текстов в этой книге. Связано это отчасти с тем, что я давно нахожусь в близких отношениях с интернетом и нахожу его везде, где только можно — как предмет осмысления и важную часть жизни. Я писала о нем научные работы, делала выставку, пишу публицистические статьи. Но больше всего мне нравится вместе с людьми узнавать что-то важное и делиться собственным незнанием, которое превращается в удивление, метод работы с ним и знание. Или новое, но уже другое незнание. Поэтому я преподаю в НИУ ВШЭ, ТГУ, ИТМО, работаю с библиотекой Шанинки. И конечно, соорганизую клуб любителей интернета и общества, в котором всерьез происходит эта работа со знанием и незнанием и есть общий интерес, которому мы посвящаем свободное время.

О чем каждая глава?

Александра Кейдия [управление интернетом]:

Наше исследование не ограничивается государственным регулированием, поскольку интернет-управление — это нечто большее. Этот важный тезис на уровне города или региона начинает понемногу стираться, ускользать. Какое управление интернетом может быть в городе, если все указания спускаются из Москвы, все централизовано? Но нет, каждый рассматриваемый нами кейс демонстрирует разные сборки акторов, которые могут принимать участие в управлении, их различные стратегии участия и координации.

Мы пытаемся аналитически осмыслить эмпирические находки, сделанные во время экспедиций, т.е. концентрированные полевые

материалы. Собранные и представленные в главе данные могут быть полезны для будущих исследований интернет-управления в России: их можно использовать, чтобы формулировать вопросы и исследовательские предположения, сравнивать со своими данными и формировать на основании этих сравнений повторяющиеся паттерны или различия.

Леонид Юлдашев [история интернета как инфраструктуры]: Интернет привлекает внимание многих исследователей, и объяснения происходящему с ним и в нем даются самые противоречивые. В дело идут культура, политика, различные большие и внешние по отношению к интернету силы. Обычно это происходит так: есть субъект и его практики пользования интернетом. Есть культура или политика. Культура влияет на субъект и его практики, и субъект начинает действовать каким-то определенным, сообразным культуре или политике образом. Однако если мы просто посмотрим, как так вышло, что интернет получился таким, каким получился (и это ключевой вопрос инфраструктурных исследований!), мы увидим траекторию появления и эволюции инфраструктуры, и это позволит нам объяснить разнообразие пользовательских практик, сайтов и проч. Мы живем внутри инфраструктур, они стали второй природой, и нет нужды обращаться к внешним силам. Инфраструктура, закрытая социотехническая система, препятствует одним действиям и позволяет осуществлять другие, тем самым создавая способы думать о мире.

Предлагаю рассматривать интернет как инфраструктуру. Мне представляется, что объяснение через историю социотехнических систем более твердое, строгое и внутренне связанное, чем многие другие, присутствующие сегодня в области исследований интернета и его истории. И хотя исследователи истории интернета знают о существовании инфраструктурного подхода, он редко используется. Как мне кажется, незаслуженно редко.

Я отношусь к главе в книге как к возможности представить читателям свои полевые заметки — сюжеты и идеи, собранные во время экспедиций. Такое представление — это отдельная сложная и увлекательная задача. Как совместить целеустремленность и извест-

ную строгость академического взгляда и рассказ о разрозненных соображениях? Как сделать частные заметки отдельного человека полезными для размышлений о теме в целом? Да, хотел бы предупредить читателя: все-таки моя глава — не вполне готовое объяснение, потому что его нельзя составить по имеющимся полевым материалам, а набор сюжетов, с которыми можно работать дальше.

Ольга Довбыш [исследования локальных медиа]:

Исследование, представленное в главе 4, посвященное трансформации локальных медиа и локальности в цифровой среде, позволило мне пристальнее взглянуть на гиперлокальные медиа — низовые и (полу)профессиональные медиаинициативы, которые создают местные жители в социальных сетях. Благодаря материалам экспедиций, я смогла увидеть и оценить значение этих медиа в местной коммуникации.

В академических и профессиональных дискуссиях о локальных медиа в России таким проектам отводится второстепенное значение по сравнению с профессиональными СМИ. Мои данные и исследование показывают, что это не так — с точки зрения видимости и влияния на местное информационное пространство. В главе 4 я изучаю, как устроена локальная медиатизированная коммуникация в российских городах сейчас, как новые цифровые медиапроекты становятся больше, чем источником местных новостей, здесь люди получают возможность понимать и принимать свой город, свое место в нем через коммуникацию, общение в медиа.

Привлекая внимание к менее видимым участникам процесса создания и распространения местной информации, изучаю, как меняются понятие профессионализма локального журналиста/медиапрактика, понятие локальной новости и информационного повода, практик и ценностей в работе местного медиа. Рассматривая эти изменения в цифровой среде, я задаюсь вопросом, как меняется понятие локальности, принадлежности к месту и пространству, как происходит пересборка места и пространства и какова роль медиа в этих процессах.

[методология исследования] Глава про методологию качественного полевого исследования интернета важная и правдивая. Дизайн

наших экспедиций выстраивался путем проб и ошибок. Мы честно рассказываем об этом, чтобы помочь тем, кто будет проводить подобные или другие качественные полевые исследования в российских регионах. Мы хотим, чтобы таких исследований было больше.

Дмитрий Муравьев [управление интернетом]:

С коллегами из клуба мы с разных сторон подходили к теме управления интернетом и ранее. Особую сложность, пожалуй, вызвал у нас тот факт, что регулирование и управление интернетом в российском контексте отличаются от более изученного западного, что определяет весь исследовательский дизайн. Некоторые работы, упомянутые в главе, безусловно, помогают — но тем, кто захочет нырнуть в эту тему в будущем, придется переосмыслить сложившиеся исследовательские рамки и подходы.

Аня Щетвина [история веба]:

Моя глава «Цифровая история российских регионов исчезает» находится на пересечении двух исследований, которые я проводила. Первое — теоретическое, посвященное устройствам архивов и предметам беспокойства (*matters of concern*), которые лежат в их основе. Второе — эмпирическое и разведывательное; мы вместе с моим коллегой Егором Ефремовым делали мэппинг интересных для культурологического исследования тем, связанных с ранним вебом в различных регионах России. В своей главе изначально я хотела рассказать об эмпирических находках и о том, как они могут заставить нас по-другому смотреть на некоторые устоявшиеся в исследованиях веба концепты. Но на половине пути я поняла, что это неправильно: невозможно говорить про абстрактные вещи и полемизировать с международными коллегами, когда архивы российского раннего веба фактически лежат в руинах и никто о них не заботится. Поэтому я попыталась рассказать простыми словами, для широкого круга читателей, о том, почему интернет хрупкий, что такое веб-архивы и как с их помощью можно сохранять историю интернета на уровне локальных инициатив.

Глава рассчитана в первую очередь на исследователей, кураторов, музейных работников и других людей, не близко знакомых с иссле-

дованиями истории веба или веб-архивами в целом. Ее цель — дать общее описание поля истории веба и работы веб-архивов, стать точкой входа в тему. Но даже если вы ориентируетесь в тематике, посмотрите врезки и финальную часть. Одна из врезок — это небольшой кусочек моей работы о том, как историки веба собирают его раннюю историю из разных частей, какие элементы его составляют. Другая — список существующих архивов. Существуют архивы-гиганты, известные многим (как, например, Internet Archive), и менее заметные интересные проекты; есть много бережно собранных маленьких историй из регионов, о которых вы вряд ли прочтете где-то еще. В конце я пытаюсь применить опыт других веб-архивов к российской действительности. Если хочется сохранять веб-сайты, как организовать такое предприятие без большого бюджета, что сохранять, с какими институтами сотрудничать? В этой части я привожу кейсы локальных и тематических инициатив из разных стран, которые, как мне кажется, могут удачно подойти в качестве стратегий-референсов для архивации российской цифровой истории.

Полина Колозариди [управление интернетом]:

Мне осталось написать пару слов о главе, в которой идет речь о концептуальных основаниях нашего интеллектуального предприятия. Они касаются моей любимой темы — интернет-исследований. Это, с одной стороны, противоречивая область, слабо институционализированная, говорящая практически на языке здравого смысла вместо специфической терминологии и вмещающая в себя что угодно. С другой стороны, она не лишена внутренней строгости и подходит к интернету не как к абстрактной технической сущности, которая приносит новизну во все сферы, где интернет появляется. В общем тексте мы постарались показать то, как устроено поле internet studies вообще, а потом — почему и как возможна работа с ним на уровне отдельных локальностей.

Мне кажется важным, что от констатации интернета как «не только глобального» или просто разнообразного мы перешли к работе с разными его элементами и масштабами. Это стало возможным благодаря нашим экспедициям и аналитической рабо-

те, что и описано в главе про метод. Глава о государстве полна (перефразированных, чтобы никто не узнал информантов) цитат из разговоров с городскими чиновниками и предпринимателями. Она — о поиске абстрактных стейкхолдеров и нахождении живой и конкретной политики.

Как мы работали?

Дмитрий Муравьев [управление интернетом]:

Эта книга стала результатом, не побоюсь этого слова, многолетнего труда. Фоном непосредственной работы над книгой, когда мы интенсивно читали и комментировали черновики своих текстов, проводили обсуждения и дата-сессии, служили обсуждения других наших исследований прошлых лет. Так что авторство книги намного более распределенное, чем указано в оглавлении.

Александра Кейдия [управление интернетом]:

Отличный опыт коллективного письма с взаимным уважением и вежливым рецензированием.

Леонид Юлдашев [история интернета как инфраструктуры]:

Это была коллективность мультидисциплинарной работы — представитель исследований медиа читает текст об исследовании веба и комментирует, оставаясь на своей колокольне и примериваясь к соседней. Поэтому, кстати, обсуждения были сравнительно короткие.

Ольга Довбыш:

Думаю, работа над этой книгой — ценный опыт и работающий методологический прием, который стоит рекомендовать другим авторским коллективам, особенно междисциплинарным.

Что такое интернет?

Александра Кейдия [управление интернетом]:

У нас было много попыток подступиться к определению, что такое управление интернетом и регулирование интернета в России. Мы

опирались на разные теоретические рамки, но в итоге в главе про интернет-управление отошли от теоретического осмысления — в первую очередь каждый рассказывает о своем поле.

Леонид Юлдашев [история интернета как инфраструктуры]:

Для меня интернет — стартовая точка, слово из повседневного языка, нуждающееся в исследовательском определении — концептуализации, операционализации и т.д. В своей главе я говорю об инфраструктуре интернета, это: 1) провайдеры, их организационные и технологические решения; 2) физические артефакты; 3) законодательство, регулирующее работу провайдеров; 4) природные ресурсы (например, ветер и ультрафиолет от солнца); 5) создатели сайтов, их решения; 6) цифровые артефакты; 7) пользователи, их группы и действия групп. Сообразно с этим я выстраиваю свой анализ и описание истории интернета. Замечу, что не обо всем мне удалось написать — так, о природных ресурсах и о законодательстве материалов пока очень мало.

Ольга Довбыш [исследования локальных медиа]:

Интернет в моем исследовании, которое опирается на литературу и концепции медиаисследований (media studies), это и технология, и пространство, меняющие как процесс создания и распространения информации, так и сам процесс массовой коммуникации. То есть, с одной стороны, я смотрю, как интернет влияет на медиа на уровне организации — как процессы создания и распространения медиатизированной информации меняются (или не меняются), как участники этих процессов (журналисты, редакторы и т.д.) понимают и воспринимают эти изменения, как меняется конфигурация медиаландшафта под влиянием цифровизации. С другой стороны, я рассматриваю интернет и, в частности, платформы социальных медиа как пространство, в котором происходит коммуникация. Такая коммуникация становится не однонаправленной, а двунаправленной и даже мультинаправленной, аудитория получает больше влияния в коммуникационном процессе. Добавляется агентность платформ, которые тоже влияют на то, как такая коммуникация происходит.

Вместе с тем я изучаю те же функции медиа, что и в «доинтернетное» время, — информирование, репрезентация различных групп обществ, предоставление пространства для общественных обсуждений, осуществление контроля и общественной подотчетности властей. В этом смысле интернет является как бы новой реальностью, в которой все эти функции каким-то образом преломляются и пересобираются, но для медиа все они по-прежнему важны.

Аня Щетвина [история веба]:

Хотя слова «интернет» и «веб» часто употребляют как синонимы, с технической стороны и в исторических исследованиях это разные вещи. То есть можно сказать, что веб — кусочек интернета. Или даже определенный ракурс, определенная оптика, позволяющая рассмотреть разные вещи, которые обычно ассоциируют с интернетом: сайты, цифровые сервисы, кукиз, софт типа веб-браузеров и т.д. Интернет — больше, чем веб. Но про историков раннего веба можно сказать, что они изучают историю интернета. А про веб-архивистов — что они сохраняют интернет как цифровое наследие.

Дмитрий Муравьев [теоретическая глава]:

В теоретической главе обсуждается ряд проблем, связанных с интернетом как предметом исследования, составленным из кусочков разных дисциплин, исследовательских полей, методов, эпистемологий и т.д. Лично я до сих пор не уверен, можно ли говорить об интернете как о предмете исследования целостно, без всей этой сложности. Если и можно — то я не уверен, получится ли сказать что-то внятное. Поэтому я решил, что стою на позициях интернет-агностицизма: интернет как нечто целостное является непознаваемым, а вопрос о его существовании подвешен. Кажется, если интернет где-то бесппроблемно существует и познаваем, то не в интернет-исследованиях. Тем не менее его можно разложить на кусочки и начать потихоньку собирать. Правда, пазл этот очень сложный — он валится из рук, по нему ходит кошка, и, возможно, пару лет назад ты потерял очень важную его часть (или ее просто забыли положить в твой набор).

Благодарности и исследовательские сюжеты, не вошедшие в книгу

Эта книга — результат труда многих и разных людей. Наш труд состоялся и стал текстом благодаря тому, что мы ездили в экспедиции, обсуждали наши поездки с горожанами и с другими исследователями. Мы получали вопросы, поддержку, выслушивали замечания и реагировали на удивление. В экспедициях мы всегда работали большими группами. В этом разделе мы расскажем не только о тех, с кем сотрудничали, но и о сюжетах, не вошедших в книгу. Возможно, кто-то решит продолжить начатое нами и вдохновится сюжетным многообразием экспедиций и обсуждений.

В первую очередь, наше исследование и книга не состоялись бы без тех людей, с кем мы говорили в поездках, — в академической традиции их принято называть информантами. Эти люди уделяли нам время и внимание — кто-то с радостью, кто-то с удивлением, кто-то с подозрением, делились своими воспоминаниями и мыслями. За время экспедиций мы поговорили более чем с 23 информантами — почти 350 часов записей. Мы выражаем благодарность всем, кто согласился принять участие в нашем исследовании и поделился знаниями и информацией. К сожалению, формат книги не позволяет упомянуть всех (о многих мы писали в блогах экспедиций).

Ольга Довбыш выражает благодарность журналистам, редакторам и создателям местных газет, телеканалов и сайтов, создателям и модераторам пабликов и групп в социальных медиа и каналов в мессенджерах.

Наше исследование начиналось с обсуждений. Нас собралось 17 человек; долго говорили о том, как можно изучать интернет в городах, даже подали по этой теме заявку на грант, но не полу-

чили его³. В обсуждениях участвовали антропологи города Михаил Алексеевский и Дарья Радченко, социологи Григорий Юдин, Варвара Кобыща, Константин Габов и Алексей Титков, социологи, работающие с темой технологий, — Роман Абрамов, Константин Глазков, Лилия Земнухова, Ольга Логунова, антропологи Елена Соколова и Алевтина Бородулина, медиаисследователь Варвара Претер (Чумакова). Перечисление сюжетов, которые могли бы стать центром исследования, заняло бы целую страницу. Мы говорили о возможностях изучения малого местного бизнеса на онлайн-площадках, о новых формах различий между группами горожан, возникающих при участии интернета и медиа, об отказе от интернета, изменениях в частной жизни разных групп, в практиках медиапотребления горожан и т.д.

Мы обсуждали это исследование с профессором антропологии Дэниелом Миллером (University College London), организатором исследования Why We Post (подробно об этом исследовании будет рассказано в главе 2). Дэниел Миллер приезжал в Россию, мы подружились, перевели онлайн-курс, основанный на исследовании, и много говорили о том, как изучить то, что происходит в разных городах и регионах России. Хотя наш интерес к многообразию интернета как такового оказался не очень похож на Why We Post, тем интереснее было осознать, что общего у наших подходов. Во многом именно благодаря примеру Дэниела и его коллег мы поняли: нужно ехать в экспедиции. И мы поехали.

В Воронеже, Казани, Тюмени и Переславле-Залесском с нами работала Оксана Дорощева, написавшая замечательные работы о родительских форумах и позже продолжившая заниматься этой темой. Если бы не социологическая эрудиция и рефлексия полевых материалов Оксаны, некоторых сюжетов в этой книге не было бы.

В Воронежскую экспедицию ездили Варвара Претер и Евгения Петрова; они предложили изучать практики и общались с людьми в разных районах города, подготовили первые сюжеты о городских медиа. Варвара и Евгения занимались до этого медиа в селах и очень

³ Мы надеемся, что наша история может воодушевить тех, кто, не получив грант, теряет уверенность в своей теме. И тех, кто сомневается, возможно ли сделать большое дело небольшими и порой разрозненными силами.

помогли нам понять разницу между интересом к медиапрактикам и интересом к разнообразию интернета. Евгения Суворина продолжила потом изучать то, как устроено знание об интернете, и переключилась на критический анализ опросов об интернете. Вместе с Марией Денисовой мы открыли тему курсов для пенсионеров по изучению интернета, которая дала много интересного материала для основных сюжетов во всех городах.

В Тюмени с нами была Алевтина Бородулина, антрополог, обнаружившая в своей, не связанной с клубом, экспедиции на остров Итуруп, как могут работать вотсап-чаты, реализующие функции публичных мест. Мы находили неожиданные сюжеты с публичными площадками и в других городах, но эти сюжеты не вошли в книгу. В Тюмени же Ксения Антонова начала интересный сюжет об ассамбляжах и городских инфраструктурах, ей помогала Александра Шарабарова. Маргарита Кирюшина и Милена Рублева изучали местных активистов: самоорганизацию феминисток и сторонников защиты детей от вредного контента. Маргарита потом продолжила изучать активизм в интернете и написала интересный диплом о сайте «Пикабу». А Милена занимается образовательными проектами, связанными с медиаграмотностью. Наталья Спириденкова сумела показать в своей части полевой работы, как устроен интернет-бизнес в городах.

В Казани и Тюмени Сурайя Шилькова работала с темой провайдеров. Эта работа подтолкнула ее к изучению цифрового города как целостного явления, которое она продолжила в магистратуре. Там же с нами был Константин Габов, который очень помог с социологической экспертизой и анализом материалов. С Константином мы продолжили работать над исследованием разнообразия блогеров в разных городах России. В этом исследовании много сюжетов из экспедиций, но есть и наблюдения из онлайн-исследований. Александра Гончарова и Елена Вартумян продолжили заниматься исследованиями медиа, Наталья Сичкарь сделала объемное исследование компьютерных клубов в Казани во всем их разнообразии.

В Арзамасе с нами был Егор Ефремов, вместе с Аней Щетвиной он изучал старый веб во всей его сложности: как объект цифровой материальности и нечто, наделенное смыслом для людей. Екатерина

Гущина была художницей этой экспедиции, благодаря ей у нас получилось иллюстрированное путешествие в блоге об экспедициях на сайте клуба. Дарья Попова делала наблюдения, которые стали частью ее диплома о роли городских форумов как медиа.

В Переславле-Залесском мы устраивали экспедицию вместе с летней школой: там с нами были Елена Гудова и Денис Сивков, с которыми мы читали тексты и анализировали интервью как никогда раньше. Благодаря Елене, мы стали подбираться к истории организаций и до сих пор грустим, что сюжеты о трансформации советских институций 1980-х годов не особенно хорошо изучены: здесь может крыться немало ответов на вопросы о том, как все стало устроено уже в 1990-е. Даяна Лифшиц снимала фильм о наших экспедициях, и мы до сих пор его пересматриваем.

В Лобню мы поехали вместе с Романом Абрамовым и смогли узнать, как работают местные медиа и как живет город, ведь сам Роман оттуда. Кристина Попова провела там невероятно интересные интервью (которые являются одним из ее научных интересов) и помогла увидеть роль пабликов как медиа, позволяющих людям влиять на свой город.

В Томске с нами были Александр Пашенко, который заинтересовался сюжетом о разных философских школах и беседовал с художниками и философами, а также Мария Терк, Вика Бордукова и Ксения Вахрушева, изучавшие медиа и блогеров. С Марией, Викторией и Ксенией мы продолжили изучать микроблогеров, которые пишут для самой молодой аудитории, в разных городах России.

Мы благодарим и всех остальных участников и участниц экспедиций, которые собирали архивные материалы, брали интервью и участвовали в обсуждениях.

Во многих городах мы устраивали обсуждения наших первых наблюдений, чтобы люди, с которыми мы беседовали, и другие горожане смогли сказать: «Да все вы врете!» или рассказать о своем опыте, уточнить что-то. И просто больше узнать о родном городе и его интернете, пусть пока скорее в форме вопросов. Мы признательны площадкам и организаторам, которые дали нам такую возможность: «Смена» в Казани, «Петровский» в Воронеже, ТюмГУ в Тюмени и библиотека ТГУ в Томске.

Конечно, мы очень благодарны Высшей школе экономики за поддержку студенческих экспедиций. И особенно — Сергею Селееву, который помогал организовать все поездки со спокойствием человека, хорошо знающего Россию и жизнь. Полина Колозариди отдельно благодарит сотрудниц бухгалтерии Высшей школы экономики Ларису Пирскую и Наталью Графову, так как ни один отчет она так и не смогла оформить с первого раза, а они терпеливо поправляли ее и помогали советами. И так — год за годом, пока все не было окончательно и точно сделано.

Наконец, когда мы начали писать книгу, нам очень помогли комментарии коллег, которые читали предыдущие версии текстов. Часть главы о методах опубликована в сборнике под редакцией Алины Конtareвой, Ольги Звонаревой и Евгении Поповой «Новое время, новое поле». В ней Полина Колозариди и Леонид Юлдашев подробно рассказывают о методике разведывательного исследования, и тот текст в сокращенном и переработанном виде стал частью настоящей книги. Мы благодарим Алину, Евгению и Ольгу за комментарии к нашему тексту и призываем всех прочесть «Новое время...», так как там много и других интереснейших сюжетов при всей новизне полей — основательных.

Когда эта книга была готова, ее прочитали три человека — Светлана Бодрунова, Татьяна Журавская и Александр Фокин. Их подробные критические комментарии позволили нам выдохнуть — все было не зря и книга состоялась. Светлана написала дополнительное введение, которое помогло нам лучше понять книгу и увидеть ее как цельный текст. А потом доделать и отправить в издательство. Мы благодарны Издательскому дому ВШЭ за помощь в подготовке книги к печати.

Из предисловия ясно, что в книгу вошла небольшая часть всего, с чем мы работали в экспедициях. Интернет в городах России разнообразен, хрупок и неподатлив. Его история редко становится предметом научного интереса, она описывается людьми, которые ее создают. Этой книгой мы не стремились дать исчерпывающее описание объектов своего интереса — скорее, начать взаимодействие с ними, которое, мы надеемся, будет продолжаться.

ГЛАВА 1

Интернет-исследования как основа для изучения интернета в городах России

Полина Колозариди, Дмитрий Муравьев, Леонид Юлдашев

В нашем авторском коллективе регулярно ведутся разговоры о том, что такое интернет-исследования и какие сюжеты из этого междисциплинарного направления соотносятся с нашими исследовательскими интересами. Мы решили, что и читателю будет небесполезно узнать об этом. Глава следует духу *internet studies* — мы расскажем о том, как область исследований интернета развивалась и фокусировалась на локальных историях и сюжетах и как они соотносятся с универсальными и глобальными.

Интернет в мире интернет-исследователей

В любой области исследований ведутся дискуссии о предмете изучения. История или социология построены на постоянном пересмотре содержания и подходов к предмету, междисциплинарные направления *urban studies* и медиаисследования тоже переизобретают город и медиа, постоянно о них споря. Так происходит и с интернетом, хотя дискуссий о том, что это такое и каков статус области его изучения, сейчас не особенно много, в основном они велись в начале 2000-х годов⁴.

⁴ Тексты Барри Веллмана [Wellman, 2004], Сони Ливингстон [Livingstone, 2005], Аннетт Маркхэм [Markham, 2005] показывают, как складывается общий концептуальный аппарат и проблемное поле. Статьи на русском языке — Юрия Рыкова и Олега Нагорного [Рыков, Нагорный, 2017], Полины Колозариди [Колозариди, 2018] — фокусируются на картографии и выявлении особенностей области, хотя и без сопоставления с другими похожими исследовательскими областями.

Internet studies стремятся тематизировать интернет как таковой и потому, не являясь дисциплиной, вынуждены постоянно балансировать между интернетом как предметом изучения и как объектом общественного интереса. В этой области исследований принято сочетать подходы из арсенала социальных наук и проблематику, обсуждающуюся в медиа (например, вопросы приватности, слежки за пользователями со стороны интернет-корпораций и др.). В то же время ведутся исследования, в центре которых — изучение конкретных феноменов в интернете.

Ключевая задача интернет-исследований: сосредоточиваясь на конкретных сервисах или практиках, не терять из виду, что интернет — сложно устроенное явление. Как предмет исследования он сочетает два фундаментальных свойства.

Во-первых, сложность: он состоит из элементов. В описании интернета сочетаются, и подчас нелинейно, инфраструктура, взаимодействие людей, контент, дизайн, управление.

Во-вторых, историчность: сервисы, практики и инфраструктуры рассматриваются не сами по себе, а в связи с предшествующими⁵. Это отличает взгляд интернет-исследователя от взгляда социолога или психолога, которые обычно смотрят на интернет-площадку как на место, где происходит какое-то действие, аналогичное или отличающееся от соответствующего офлайн-ового. Более того, когда на интернет смотрят в исторической перспективе, подвижной оказывается и сама граница онлайн/офлайна: нечто, долго бывшее виртуальным, может стать пограничной или вовсе неотличимой от офлайна практикой. Например, общение в чатах и мессенджерах сейчас часто оказывается неанонимным и не требует выхода в интернет как отдельной операции. Нередко оно совершается на ходу, с помощью смартфона, голосом, и разница между перепиской в интернете и звонком или СМС-сообщением минимальна.

⁵ Историчность появляется не сразу — до начала нулевых об интернете почти нет исторических сведений, кроме текстов «отцов-основателей». В начале 2000-х оформляется рефлексия интернет-исследователей по поводу своего предмета (см. сноску 4). К началу 2010-х годов в подходах исследователей появляются отсылки скорее к меняющимся сервисам и интерфейсам, чем к «интернету в целом».

Итак, повторим: мы не помещаем наше исследование, представленное в этой книге, в рамки какой-то отдельной дисциплины, а используем междисциплинарный подход интернет-исследований.

Интернет-исследования как способ изучения интернета

Интернет-исследования — междисциплинарная область, основанная на теориях и методах социальных наук. Это обусловлено особенностями ее формирования: в основном в нем участвовали сотрудники департаментов коммуникативных или медиаисследований, социологи, в меньшей степени психологи и филологи, а также специалисты в области компьютерных и естественных наук. При этом во многих лабораториях Internet Studies есть и биологи, и нейролингвисты. Кроме того, вокруг интернет-исследований существуют поля более мелких субдисциплин вроде историков интернета, исследователей Инстаграма или веб-архивов. Исследование Стива Джонса и Дэвида Парка о том, как появился интернет в качестве предмета изучения в науках о коммуникации, показало, что новых подходов, по крайней мере до 2000-х годов, для него не возникало. Эта тема в ключевых журналах была частью науки о методах (их релевантности объекту, теориям и социальным нуждам), а также изучения интернета как еще одного средства коммуникации. Поле складывалось преимущественно из сотрудников американских университетов и было достаточно централизованным: около 40% статей написаны сотрудниками тех 19 университетов, где больше всего исследователей этой темы [Jones, Park, 2020]. Конечно, не во всех странах исследования интернета складывались из дисциплин, изучающих медиа и коммуникации. Кроме того, нужно учитывать, что в этой междисциплинарной области нет строгого канона, и, по мнению многих участников, это вполне благополучное развитие ситуации [Markham, 2003]. Повестка составляется в первую очередь на конференциях и в журналах, а также в исследовательских центрах, которые занимаются отчасти академическими, а отчасти прикладными исследованиями.

С 2010-х годов, по мнению бывшего директора Оксфордского института интернет-исследований Уильяма Даттона, из-за

общественно-политических событий (например, арабской весны — политических движений 2011 г. в Тунисе, Египте, Сирии и Ливии, во многом мобилизованных с помощью социальных медиа) интернет стал привлекать все большее внимание, оформился как часть исследовательской области вокруг медиа и политики [Даттон, 2013]. В ежегодных темах конференции интернет-исследователей можно заметить и другие сюжеты и направления, возникающие с середины 2010-х годов. Это онлайн-практики, селебрити, язык вражды и ненависти, приватность, сбор данных пользователей, автоматизация труда, алгоритмизация и платформизация жизни общества, социальные сети как место для поиска работы, общения, романтических отношений, цифровизация институций, пересечения с гендерными исследованиями и урбанистикой. Как и в любой развивающейся исследовательской области, такой список не может быть полным, он постоянно видоизменяется. В ходе чтения книги вы заметите, что мы, авторы, работаем внутри ряда этих направлений — с некоторыми соприкасаемся, а другие и вовсе не затрагиваем.

Само поле, таким образом, оказывается не строго ограниченным, а, скорее, похожим на элемент конструктора лего — интернет-исследования производят знание, интегрируя уже существующие методологические и концептуальные наработки из различных областей социальных наук. В концептуальном смысле интернет-исследования не амбициозны. Из наиболее известных идей, появившихся в этом поле, — сетевой индивидуализм Барри Веллмана и Ли Рейни [Rainie, Wellman, 2012] и приватно-публичное свойство интернета⁶.

Исследователи обычно фокусируются на интернете либо как на явлении «большого мира», либо как на самостоятельном явлении, внутри/с помощью которого осуществляется какая-то часть жизни людей или институций. Первый тип исследований — про

⁶ Элис Марвик и ее коллега дана бойд показали, что разные площадки являются одновременно приватными и публичными, воспользовавшись ходами из гофманианской социологии [Marwick, boyd, 2014]. Заметим, что после этого появилась достаточно интересная дискуссия о детерминизме: с бойд спорят антропологи, например Элизабет Коста [Costa, 2018], переключая агентность в определении публичности с интерфейсов на пользователей.

то, как с появлением, распространением, изменениями интернета меняется социальная жизнь в самом широком смысле. Здесь интернет часто воспринимается как нечто внешнее по отношению к изучаемому мнению и становится односоставным или многосоставным объяснением: «интернет поменял или не поменял вот так». Второй — например, исследуется, как люди делают селфи или распространяют информацию в социальных сетях, занимаются искусством или голосуют в онлайн-сервисах. Здесь интернет уже не может быть самостоятельным объяснением, скорее, он является тем фоном социального, внутри или вовне которого исследователю необходимо находить объяснения. Случаи совмещения этих двух подходов сравнительно редки⁷. Можно выделить и третий тип исследований — когда сам интернет проблематизируется и требует объяснения. Под подобной проблематизацией мы имеем в виду выше обозначенные нами его свойства — сложность, историчность, проблематичную материальность. К таким исследованиям можно отнести, к примеру, историю интернета, управления интернетом или работы, исследующие политику конкретных платформ.

Кроме того, интернет-исследователи рефлексивны в отношении методов. На конференции Ассоциации интернет-исследователей (Association of Internet Researchers, AoIR) обсуждаются вопросы этики и политики работы с разными исследовательскими методологиями, например с цифровой этнографией и сетевым анализом. В 2019 г. Ассоциация выпустила уже третью редакцию рекомендаций по принятию решений в этически сложных случаях. Также изучаются возможности прежних методов (например, интервью) с опосредованием интернетом.

Большинство исследований интернета в конкретной стране — то, что нас особенно интересует — традиционно начинаются с описания динамики распространения интернета как внешнего явления: количество подключений, появление ресурсов разного типа, функционирование интернета как части разных организаций (школ, государственных структур, банков, домохозяйств). Мы тоже при-

⁷ Исключения — исследования Пола Димаджо и соавторов [DiMaggio et al., 2001], Ли Рэйни и Барри Веллмана [Rainie, Wellman, 2012].

ведем статистические материалы, хотя по городам в России они разработаны крайне слабо и построены на оппозиции, в которой стабильное соединение и высокая скорость передачи данных — ценностно окрашенные понятия⁸.

Изучение практик и конкретных явлений, связанных с интернетом, может принимать в расчет параметры вроде уровня цензуры или проникновения широкополосных сетей, но это касается в основном сравнительных работ. Когда речь идет об изучении конкретной практики, интернет представляется как универсальное явление. Такое понимание интернета можно было наблюдать, когда, к примеру, во время пандемии коронавируса в 2020 г. начались академические и экспертные дискуссии о статусе повсеместного онлайн-образования. Подобная флуктуация интернета от предельно конкретного до всемирного — один из нервов, который заставляет исследователей переосмысливать язык и находить общие темы на конференциях и в журналах⁹.

Интернет в отдельной стране — что это такое

Интернет — это явление, существующее во всем мире. Но изучается он не только на уровне всеобщих тенденций или индивидуальных/ групповых практик. Исследователей интересует, как устраивается жизнь с интернетом в рамках отдельных локальностей. Масштаб такого анализа может быть разным: от городских сообществ [Nevejan, Badenoch, 2014] до межгосударственных объединений [Norris, 2000]. Уровень анализа часто выбирается исходя из объекта. На уровне стран изучают законодательство, устройство страновой инфраструктуры, включенность интернета в государственные институции,

⁸ Мы встречали это и в экспедициях. Приезжая в город, слышали от его жителей: «У нас хороший интернет». Выяснилось, что имеется в виду хорошее качество связи, высокое распространение интернета в разных институциях, Wi-Fi в городе и т.д. Интересно, что чиновники или провайдеры могли вкладывать в это словосочетание схожий смысл, хотя обычно все же напрямую соотносили оценку со своей деятельностью.

⁹ Это конференции Ассоциации интернет-исследователей (AoIR), журналы *Information, Communication and Society, New Media and Society, First Monday*.